

ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ
КАРМАДОНОВ

**МИР,
НАПОЛНЕННЫЙ
СМЫСЛОМ:
СИМВОЛИЧЕСКОЕ
МОДЕЛИРОВАНИЕ
РЕАЛЬНОСТИ**

СИМВОЛ В ПСИХОЛОГИИ
И ПСИХОТЕРАПИИ

Олег Кармадонов

**Мир, наполненный смыслом:
символическое моделирование
реальности. Символ
в психологии и психотерапии**

«Издательские решения»

Кармадонов О. А.

Мир, наполненный смыслом: символическое моделирование
реальности. Символ в психологии и психотерапии /
О. А. Кармадонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850415-0

В книге идет речь о психологическом измерении символического
в нескольких направлениях — значении символа как источника травмы
и средства исцеления, трансформации символических комплексов, роли
символа в психологических исследованиях и диагностике, о символе
в основных направлениях психотерапии, его использовании в символическом
моделировании в контексте дискурсивно-символической методологии.

ISBN 978-5-44-850415-0

© Кармадонов О. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Символ как травма. И исцеление	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

**Мир, наполненный смыслом:
символическое моделирование реальности
Символ в психологии и психотерапии**

Олег Анатольевич Кармадонов

© Олег Анатольевич Кармадонов, 2017

ISBN 978-5-4485-0415-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Как-то мне, имеющему к религии исключительно научное отношение, приснился сон. Я стою на неких высотах, с которых открывается вид на Иерусалим, его окрестности, и ещё дальше. Поздний вечер, почти ночь, мрак которой немного смягчают только звезды, уже высипавшие на небо. Дует легкий ветерок – не холодный ветер ночной пустыни, но и не горячий хамсин раскаленных равнин Ханаана. Я знаю, что совсем недавно распяли Иисуса. И я знаю, что апостолы только что бросили жребий – кому куда идти проповедовать его учение. И я вдруг замечаю засветившиеся внизу во мраке несколько небольших, но ярких огоньков, различных даже с той отдаленной высоты, на которой я нахожусь. Огоньки покружились друг возле друга, как будто прощаясь, и затем разошлись в разные стороны, все отдаляясь и отдаляясь, сменив постепенно свет на мерцание, а затем и вовсе исчезнув из вида. И я понимаю, **что** происходит, более того, я наблюдаю это не просто с высоты места, на котором я нахожусь, но и с высоты своего исторического времени, дающего мне возможность охватить мысленным взором всё, что случится после этого, вплоть до дней нашего века. Я понимаю, что вижу самые первые шаги распространения христианства, момент, который кладет начало «новому небу и земле», «ибо прежнее небо, и прежняя земля миновали», как это выразил потом Иоанн Богослов.

Создание «новых неба и земли» – это создание новых смыслов, наполняющих человеческую вселенную, сотворение «нового откровения тех же реальностей», по словам Вяч. Иванова. Мы творим эту вселенную непрестанно, мы никогда не успокаиваемся и не удовлетворяемся раз и навсегда созданным однажды, в этом наша обреченность и наше величие. «Кирпичиками» этого нескончаемого акта творения служат для нас символы – ёмкие и компактные «капсулы» смысла, сконцентрировавшие в себе образ, знание и чувство, поскольку нет такого смысла, который не вызывал бы в нас какие-то переживания. Именно поэтому символ, прежде всего – категория психологическая, и только потом рассудочная.

Изменяя наши символические пространства, мы меняем облик – человечества, страны, народа, семьи, и свой собственный, наконец. Ни одна революция не произошла без символических трансформаций, ни один человек не изменил свою жизнь, не изменив предварительно её символический, метафорический ландшафт – то, как он смотрит на вещи, как он их воспринимает, и как он действует по отношению к миру. Реальность не очень пластична, но любому её изменению обязательно предшествует её новый, более желательный образ, своего рода «проект», в большем или меньшем соответствии с которым мы и строим свои жизни, и жизни малых и больших сообществ, членами которых мы являемся.

Другими словами, символическое моделирование – не просто интересная техника, созданная однажды в практике психотерапии, а, по сути – прямое и неотъемлемое качество и свойство самой человеческой природы. Строго говоря, всё, что было открыто человеком (законы и явления окружающего мира, структура макро-, и микрокосма, возможности синтеза, и пр.) окружало нас всегда, мы просто не знали о его существовании. Но однажды узнав, мы тут же начинаем придумывать – как это можно использовать на наше благо. Нас и сейчас окружает, я уверен, масса всего, ещё не открытого, ждущего своего часа и своего «проводника» в мир людей. В этом смысле, «символическое моделирование», сформулированное как таковое Пенни Томпкинс и Джеймсом Лоули, также выступает «всего лишь» технологией применения изначального, родового свойства человека – его способности создавать символические миры и изменять их.

Трансформация символических систем всегда приносит новое качество их вместительности – цивилизации, стране, народу или человеку. Последний, вместе с тем, может осуществлять её сознательно – самостоятельно, или с помощью проводника, и увидеть её результаты в очень короткие сроки.

В этой книге представлены материалы многолетних исследований и практики автора как психолога-консультанта. Проблема символа занимает меня уже почти четверть века, ей были посвящены и кандидатская («Социальная функция символа», 1997), и докторская («Символическое как объект социального анализа», 2004) диссертации по философии, и несколько монографий [Кармадонов 2004, 2012, 2015]. За это время, кроме сделанного детального теоретического разбора этого феномена, включая значение символа в психологических аспектах социальной трансформации [Кармадонов 2006], впервые в социо-гуманитарных науках я нашел способ призвать символ к «сотрудничеству» в конкретных исследованиях, создав метод транссимволического анализа, давно вошедший в методическую базу социологии и социальной психологии [Кармадонов 1998].

Что, однако, не давало мне покоя, так это проблема применимости символа не только для описания и диагностики социальной и индивидуальной реальности, но и для коррекции последней. Точнее – для коррекции семантического, смыслового наполнения этой реальности, которое, собственно, и придает ей жизнь, энергию и динамику. Эта проблема была решена после знакомства с методикой «символического моделирования». Принимая конструктивные и зарекомендовавшие себя в качестве эффективных структурные элементы этой методики, я дополнил её элементами дискурсивно-символической методологии: 1) абсентеистской рациональностью – когда мы учитываем не только присутствующее в нашем метафорическом ландшафте, но и отсутствующее в нем (и влияющее на присутствующее); 2) трехчастной структурой символа, включающей его когнитивный, аффективный и деятельностный компоненты, что дает возможность структурировать и вопросы «чистого языка»; 3) концепцией символической конъюнкции, которая помогает объяснить сам процесс формирования метафорических пространств, его логику и механизмы, а значит, дает дополнительные возможности воздействовать на него. Применение СИМ в таком методологическом расширении в моей практике психолога-консультанта принесло воодушевляющие результаты.

Вместе с тем, эта книга значительно шире проблематики собственно символического моделирования на уровне практической психологии. Просто потому, что тема символа не позволяет редуцировать его до статуса всего лишь инструмента психологического консультирования. Поэтому представленные здесь материалы освещают несколько измерений феномена символического и его трансформации – применительно к значению символа как источника травмы и средства исцеления, относительно того, как символические комплексы существуют и изменяются в обществе, касательно роли символа в психологических исследованиях и диагностике, его места в основных направлениях психотерапии, и, наконец, того, как он используется в символическом моделировании (в контексте дискурсивно-символической методологии). Уделяется внимание и вопросу, который нельзя проигнорировать – возможности «несимволической» реальности, которая, в частности, всерьез предполагается в некоторых направлениях современного психоанализа.

Книга должна быть полезна как практикующим психологам-клиницистам, так и академическим психологам. Интересна, я полагаю, она будет в силу характера представленных материалов также социологам, социальным философам, культурологам и историкам, а также всем интересующимся феноменом символического в нашей внешней и внутренней реальности.

Для дальнейшего изучения темы символического моделирования и роли символа в практической психологии рекомендую следующие книги: Салливан У., Рэз Дж. Чистый язык и символическое моделирование. Эффективный коучинг через метафоры. М.: Велигор, 2011; Свирепо О. А., Туманова О. С. Образ, символ, метафора в современной психотерапии. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2004.

Выражаю безмерную признательность за постоянную поддержку и помощь любимой супруге – Юлии.

Символ как травма. И исцеление

Кто-нибудь помнит ещё такой, почти бессмертный сериал, как «Санта-Барбара»? Даже поверхностное и спорадическое знакомство с этой мыльной оперой позволяет безошибочно установить, вокруг чего вертится весь этот калейдоскоп страстей, отношений и ситуаций. Это – деньги. В основном – Си-Си Кепфелла. Всё остальное – лишь фон, контекст, антураж, в котором они существуют. Деньги – главный герой, это их вожделеют, их добиваются, их пытаются заслужить, с ними вступают в «отношения». В общем, этот эпический девятилетний сериал может служить примером того, как можно изобразить всего лишь *средства существования, подтвержденные государственными обязательствами*.

Мировая художественная культура богата средствами изображения, но бедна, если не сказать – нища объектами изображения, то есть, тем, что описывается. Феноменальный мир, строго говоря, исчерпаем. Его наполняют идеи-явления, которые стары, непреходящи и вечно актуальны. Такие концепты как «счастье», «любовь», «жизнь», «горе», «верность», «богатство», «свобода», и так далее, а также их антитезы, являются теми «точками сборки», вокруг которых индивидуальная, творческая и вообще социальная активность группируется в любую историческую эпоху. То есть, набор основных идей, населяющих человеческое пространство, остается неизменным, как неизменными остаются цветовой и звуковой ряды, первая декада греческой системы счисления, система химических элементов, и т. п. Изменяется же способ их осмысливания, или, другими словами, меняется морфологическая и содержательная интерпретация явлений, их образная аргументация. «Новый миф есть новое откровение тех же реальностей», – писал Вяч. Иванов [Иванов: 157], или, как выразил это Сёрен Кьеркегор, к которому возводит свою генеалогию экзистенциальная психотерапия – «Каждое поколение заново постигает истинно человеческое» [Кьеркегор: 110]. Необходимо, однако, добавить, что каждое поколение не просто постигает вечные истины заново, оно постигает их *по-другому*.

Нагляднее всего это, естественно, представлено в искусстве, особенно – в его живописных и музыкальных формах, где отчетливо прослеживается тенденция усложнения выразительных средств. Так, изобразительное искусство (взяв за условную точку отсчета критомикенскую культуру) шло от детски-наивной и радостной античности через выпященное, плоскостное и аскетичное средневековье и восторженно-чувственный классицизм к многоликому и умудренному модерну и рефлексирующему постмодернизму. Опять же – изменялась только образная аргументация, идеи оставались теми же. «Последний день Помпеи» Карла Брюллова и «Герника» Пабло Пикассо говорят об одном и том же – разрушении и уязвимости человеческого существа.

В сюжете «Тайной вечери» художниками обычно выбирался один из двух ее драматических моментов: либо утверждение Христом Святого причастия, либо его пророчество о том, что один из апостолов его предаст.

Тайная вечеря. Раннехристианская мозаика. VI век.

Однако, аргументация раннехристианской мозаики 6 века, и картин Джотто (14 век), Андреа Кастаньо, Леонардо да Винчи (15 век), Тинторетто (16 век), Никола Пуссена (17 век), Густава Доре (19 век), Эмиля Нольде, Стэнли Спенсера и Сальвадора Дали, написанных в 20 веке, различается радикально.

Поль Густав Доре. Тайная Вечеря (1865).

«Каждое новое поколение» требовало и новой аргументации, «нового откровения того же самого мифа».

Что же заставляет человека беспрерывно усложнять и ре-комбинировать свое отношение к себе, другим людям, миру? Что побуждает его к постоянной и удивительной смене средств своего образного восприятия окружающей реальности и мира умопостигаемых форм? Ответ,

по моему мнению, кроется в двойственности феномена символического с точки зрения его процессной трактовки. Первый член диахронии – это собственно «символизирование», перманентный процесс заполнения «чистого опыта», интеллектуально-эмпирического постижения «истинных сущностей бытия» (Аристотель), приближение мира к человеку. Ко второму же члену мы относим «символизацию», понимаемую как прогрессирующую условность, опосредование отношений мира и человека. И в первом, и во втором случае опосредующие символические конструкты – суть также и инструмент, и результат данных процессов, первый из которых – это собственно «наречение» мира, его субъективация, второй же – объективация мира, становление застывших форм. Подчеркнем еще раз, что символизирование и символизация находятся между собой в диахронической связи – первое неизбежно и вскоре влечет за собой второе и так далее. Первое – это «уход» в мир значимых форм, а второе – объективация или «отдаление» этого мира. Парадокс заключается в том, что если у истоков символизирования лежит «отчаяние», неудовлетворение, и даже травма, вызванная дисгармонией неупорядоченного мира, то у начал символизации находится мир «упорядоченный», мир стройный и «гармоничный». Однако этот последний проявляет свое полное равнодушие к человеку, отказывает ему в смысле и пафосе его существования.

Заклиная мир именами, человек хотел вновь приблизить его, слиться с ним, однако именно в силу объективации всякая субъективация уже невозможна. Человек, таким образом, движется от отчаяния к отчаянию, осознание же им своей «покинутости» и ее переживание представляют собой суть травматической ситуации. Альбер Камю пишет: «Будь я деревом среди деревьев, кошкой среди животных, эта жизнь имела бы смысл или, точнее, сама эта проблема не имела бы смысла, ведь я составлял бы частицу мира. Я *был бы* этим миром, которому я сейчас противостояю всем моим сознанием и всей моей потребностью сблизиться с сущим. И что, как не мое сознание лежит в основе этого конфликта, этой трещины между миром и моим духом?» [Камю: 502].

Очевидно, что наше понятие «символизации» неразрывно связано с понятием «отчуждения». Под последним в социальной психологии обычно понимается: 1) что люди испытывают доминирование над собой со стороны их собственных социальных и культурных продуктов; 2) что люди разлучены со своей человеческой сущностью; 3) что существует раздробление социальных связей и сообщества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.